

Анна Шилд
Ада Огнева

В СЧЁТ ДОЛГА БОССУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Теперь ты моя

18+

Ада Огнева

В счёт долга боссу. Теперь ты моя

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

В счёт долга боссу. Теперь ты моя / А. Огнева — «Автор»,
«Автор», 2026

Алина привыкла спасать чужие картины, но теперь ей предстоит спасти собственного брата. Даниил Громов выкупил его долг и назначил свою цену: шесть месяцев под одной крышей, роль идеальной невесты и жизнь по правилам босса. Алина согласна на сделку, но не на покорность. Она намерена вернуть свободу, а не влюбиться в человека, который её отнял. Только с каждым днём сопротивляться Громову всё труднее. Он держит её в заложницах — или прячет от игры, о которой она пока ничего не знает?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анна Шилд, Ада Огнева

В счёт долга боссу. Теперь ты моя

В счёт долга боссу. Теперь ты моя

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Первый удар в дверь прокатился по квартире тяжелым металлическим треском. Дрогнули тонкие стены панельной пятиэтажки, в прихожей посыпалась штукатурка. Кто-то снаружи сминал косяк вместе с замком.

Алина вздрогнула так, будто разряд тока пробил ее от макушки до босых ступней. В руке застыл стальной поварской нож с широким тяжелым лезвием — она только что резала плотный картон для паспарту в маленькой кухне, где пахло льняным маслом, растворителем и сыростью осеннего сквозняка.

Второй удар сорвал хилый китайский замок с мясом. Коробка из дешевого ДСП лопнула с сухим пулеметным звуком, осыпая на грязно-коричневый линолеум прихожей труху штукатурки. Металлическая дверь распахнулась настежь, ударившись о стену, и в узкий полумрак квартиры ввалился вой ледяного октябрьского ветра с лестничной площадки.

Вместе с ветром в прихожую влетел Матвей.

Его швырнули, как мешок с тряпьем. Девятнадцатилетний парень рухнул на четвереньки, судорожно зажимая лопнувшую губу. Его лицо было превращено в сплошное багровое месиво: левый глаз заплыл плотной синюшной гематомой, на худой скуле алела свежая глубокая ссадина, тонкая металлическая оправа очков погнулась и висела на одном ухе. Серая толстовка была разорвана на груди почти до пояса, открывая ребра, ходившие ходуном от свистящего, захлебывающегося дыхания.

— Аля... — выдавил он в пол, выплевывая на линолеум сгусток темной крови вместе со слюной. — Аля, закройся... уходи через балкон...

Следом за ним в коридор шагнули двое.

Первым шел верзила в мокрой черной кожанке — налитые мутной злобой свиные глазки, перебитый боксерский нос и оскал редких, тронутых гнилью зубов. Алина знала его: «Кислый», подручный Седого. За ним, не торопясь, переступил порог сам Игорь Варягов. Высокий, жилистый уголовник лет сорока пяти с коротко стриженным серебряным ежиком на голове, в расстегнутой дубленке, из-под которой виднелась синяя наколка с крестом на ключице. В зубах Седого тлела сырая сигарета, пуская в низкий потолок едкий, ядовитый дым дешевого табака.

— Ну здравствуй, художница, — хрипло, дребезжа прокуренным нутром, процедил Седой. Он лениво сплюнул под ноги, прямо на разбросанную у вешалки обувь. — Мы к твоему вундеркинду в гости. Пацан решил, что самый умный в этом районе. Думал, сорок лямов с нас спишут за красивые глазки и левую печать?

Седой сделал шаг вперед и с размаху опустил носок тяжелого армейского ботинка на правую руку Матвея. Пальцы парня вдавило в пол. Раздался резкий, влажный хруст сустава.

Матвей взвыл — высоко, по-бабы, захлебываясь слезами и собственной кровью, извиваясь на линолеуме, как червяк под подошвой.

— Где документы на родительскую трешку на Пресне, мразь? — наклонился к нему Седой, вдавливая ботинок сильнее. — Где дарственная? Ты сегодня подпишешь всё, щегол. И квартиру сдашь, и почки продашь, а твоя сестричка прямо сейчас поедет отрабатывать проценты в сауну к моим пацанам.

Ярость вспыхнула внутри Алины мгновенно — чистая, белая, испепеляющая всякий страх.

Алина перехватила нож острием вперед. В два шага она преодолела расстояние от кухонного проема до прихожей, выставив длинное стальное лезвие вперед на уровне груди. Ее пальцы побелели от силы, с которой она сжимала рукоять. Темно-русые волосы рассыпались по плечам, васильковые глаза потемнели до цвета ночной грозы.

— Убери ногу, сука, — ее голос прозвучал тихо, но с такой ледяной вибрацией, что Кислый невольно дернулся. — Убери с него ногу, или я вспорю тебе яремную вену раньше, чем ты успеешь достать ствол. Полиция уже на подъезде. Три минуты — и эта лестница будет забита ОМОНОм.

Седой на мгновение замер, изумленно уставившись на острие ножа, замершее в двадцати сантиметрах от его кадыка. Потом его лицо перекосила глумливая, омерзительная ухмылка.

— Слышь, Кислый, глянь на нее. Тигрица, блядь. Кого ты там резать собралась, дура сопливая? Ты курицу в жизни не потрошила.

Он полез во внутренний карман дубленки и медленно, с показным наслаждением вытащил тяжелый четырехствольный травматический пистолет «Оса». Черные металлические стволы уставились прямо в переносицу Алины.

— Бросай перо, сучка. На колени встала. Если я сейчас нажму спуск — твои мозги будут соскребать со стены кухни вместе с обоями. Считаю до одного.

Алина не опустила нож. В горле пересохло, сердце колотилось где-то в гортани, оглушая собственным пульсом, но позвоночник превратился в раскаленный стальной прут. Она знала: если она отступит хотя бы на полшага, их с братом просто уничтожат.

— Стреляй, тварь, — выдохнула она сквозь зубы. — Стреляй, если кишка не тонка.

Седой помрачнел. Палец лег на тяжелый спусковой крючок. Матвей на полу забился в истерике, пытаясь дотянуться здоровой рукой до штанины бандита:

— Не надо... не трогайте ее... заберите всё...

И в эту самую секунду за их спинами, в подъезде, умерли все звуки.

Снизу по лестнице донесся шаг.

Шаг. Пауза. Еще шаг — тяжелая кожаная подошва ударила по бетону этажом ниже. Между ударами Алина слышала, как сипит Матвей под ботинком Седого. Человек на лестнице поднимался размеренно, отдавая всем в квартире время услышать его приближение.

Кислый первый почувствовал это. Он резко крутанулся назад, к дверному проему, но среагировать не успел.

Из темноты площадки вынырнула широкая ладонь в черной перчатке из плотной матовой кожи. Движение было коротким, страшным по своей механической точности: ребро ладони вошло Кислому точно под адамово яблоко. Здоровяк раскрыл рот, глотка издала сдавленный свист, глаза вылезли из орбит, и он кульком осел на пол, судорожно скребя ногтями по побелке.

Второй боец в глухом черном кашемировом пальто, появившийся следом, перехватил руку Седого с пистолетом. Раздался сухой щелчок вывихнутого лучезапястного сустава. Седой взвыл, роняя пистолет на линолеум, но тут же второй охранник намертво вдавил его лицом в косяк, заломив вторую руку за спину так, что затрещали швы дубленки.

В проеме выбитой двери появился Даниил Громов.

Алина забыла, как дышать.

Мужчина был огромен. Он почти доставал головой до верхнего края дверного проема: под метр девяносто два тяжелой мужской массы, закованной в безупречный темно-серый костюм-тройку и распахнутое графитовое пальто из тончайшей шерсти Loro Piana. На его широких плечах и черных, жестких волосах искрились капли растаявшего ледяного дождя. Лицо казалось высеченным из темного базальта: тяжелая квадратная челюсть, покрытая густой трехдневной щетиной, жесткие складки у тонких губ и глаза.

Его глаза цвета штормовой стали остановились на Седом. Мужчина разглядывал прижатое к косяку лицо так, словно выбирал место для удара. Алина держала нож, чувствуя, как рукоять становится скользкой в ладони.

Воздух в прихожей мгновенно изменился. Запах мокрой штукатурки, дешевого курева и бандитского перегара был сметен горьким, тяжелым ароматом селективного парфюма — черный перец, сандал, морозный воздух и мокрый табачный лист. От этого запаха у Алины перехватило дыхание, а по спине прокатилась волна раскаленного холода.

Громов переступил порог.

Его правый ботинок — начищенный до зеркального блеска оксфорд из телячьей кожи — опустился прямо на разбитую металлическую оправу очков Матвея. Стекло лопнуло с отчетливым хрустом. Матвей дернулся к очкам, но подошва уже вдавила оправу в пол. Громов смотрел поверх его головы на Седого.

Седой, прижатый к стене лицом, косил единственным свободным глазом, и Алина с ошеломлением увидела, как с лица наглого ростовщика сходит вся спесь. Кожа бандита посерела, губы мелко задрожали.

— Даниил... Даниил Андреевич... — залепетал Седой, задыхаясь от боли в вывернутом плече. — Мы... мы понятия не имели... Пацан с улицы пришел, штамп строительного фонда стоял... Мы свое забирали, честное слово, проценты набежали... Если б знали, что он ваш...

Громов медленно повернул голову к Седому. Этот взгляд длился не больше двух секунд, но ростовщик под ним буквально сжался, втягивая голову в плечи.

— Ты зашел на мою территорию, Варягов, — произнес Громов.

Его голос был низким, бархатным, глухо вибрирующим на самых дрожащих частотах. Казалось, от этого баритона вибрирует сам пол под ногами.

— Ты решил, что можешь выбивать долги по моим документам в моем городе? — продолжил Громов без малейшего повышения тона. — Ты решил, что имеешь право дышать здесь без моего разрешения?

— Бес попутал, Даниил Андреевич! — взмолился Седой, по его виску катился крупный пот, смывая дорожку подъездной грязи. — Бумаги у меня! Всё отдам! До копейки!

Громов протянул раскрытую ладонь. Седой осекся на полуслове, уставившись на длинные тяжелые пальцы с ухоженными ногтями.

— Бумаги.

Седой задергался, зашипел от боли:

— В правом кармане... лейтенант, достань, в кармане всё...

Охранник в черном пальто ловко сунул руку под полу дубленки ростовщика и вытащил сложенный вчетверо плотный лист гербовой бумаги с синими печатями и росписями. Он почтительно вложил документ в раскрытую ладонь Громова.

Громов развернул лист двумя пальцами. Его серые глаза скользнули по строкам векселя. Долговое обязательство на сорок миллионов рублей. Внизу — размашистая, неумело скопированная подпись и синий оттиск гербовой печати холдинга «Громов Групп».

Уголок рта мужчины дернулся вверх. Он держал сорокамиллионный вексель двумя пальцами, и Алина вдруг поняла: эта бумага для него — удача.

— Статья 159, часть четвертая. Мошенничество в особо крупном размере, совершенное группой лиц по предварительному сговору, — негромко проговорил он, аккуратно складывая бумагу вдвое и убирая во внутренний карман своего пиджака. — До десяти лет строгого режима.

Затем Громов бросил короткий взгляд через плечо на начальника службы безопасности — коренастого, сероглазого мужчину с военной выправкой:

— Павел. Очисти площадку. Если этот биомусор появится ближе пяти километров к моим стройкам — похорони в бетоне фундамента на набережной.

— Принято, Даниил Андреевич, — коротко отозвался Павел.

Охранники дернули Седого и стонущего Кислого за шивороты, выволакивая их на лестничную клетку, словно мешки со строительным мусором. Послышался глухой удар тела о перила, судорожная возня на ступенях и затихающий топот спускающихся вниз ног.

В разбитой прихожей повисла тишина. Тяжелая, душная, наполненная запахом крови и адреналина.

Алина стояла не шевелясь. Ее руки продолжали сжимать тяжелый кухонный нож, хотя в суставах уже пульсировала ноющая, тупая боль. Она смотрела на гиганта, стоящего в полутора метрах от нее, и всем своим нутром чувствовала: те уличные шакалы были ничем по сравнению с тем хищником, который стоял перед ней сейчас.

— Спасибо, — выдавила она, стараясь, чтобы голос не сорвался на дрожь. — Мы... мы не просили вашей помощи, но я благодарна. Если Матвей виноват перед вами, я не стану отпираться. Мы решим это законным путем. Я продам мастерскую. У меня есть доля в квартире родителей. Я возьму кредит, составлю график... Я верну вам эти сорок миллионов до последнего рубля.

Громов медленно, невероятно плавно перевел взгляд с лезвия ножа на ее лицо.

Его глаза скользнули по ее растрепанным волосам, по тонкой шее, где под прозрачной кожей бешено колотилась сонная артерия, по растянутому серому свитеру, скрывающему тонкую талию и высокую грудь, и опустились к ее босым пальцам, прижатым к холодному линолеуму.

Этот взгляд был почти осязаем. Он ощущался как медленное, тяжелое прикосновение шершавой мужской ладони к обнаженной коже. Алине захотелось закрыться руками, спрятаться, закричать, но она лишь крепче стиснула рукоять ножа и выше вздернула подбородок.

— Твоя мастерская на вторичном рынке стоит полтора миллиона, — произнес Громов, и в его низком голосе прорезались издевательские нотки. — Твоя доля в этой халупе — три. Чтобы вернуть сорок миллионов с процентами, тебе придется продавать свои органы на черном рынке ближайшие тридцать лет. Но твои гроши меня не интересуют, девочка.

Глава 2

Он сделал один медленный, неотвратимый шаг вперед.

Пространство между ними схлопнулось. От него пахнуло жаром мощного, тренированного тела. Тень Громова накрыла Алину целиком, отрезая свет единственной тусклой лампы.

— Твой брат украл у меня имя, — тихо сказал он, глядя ей прямо в глаза с высоты своего гигантского роста. — Завтра в девять утра материалы по поддельной печати лягут на стол начальнику следственного управления. К полудню он будет сидеть в Бутырке. С его лицом и характером он не протянет на пересылке и сорока восьми часов.

Матвей на полу судорожно всхлипнул, вжимая голову в плечи.

Алина почувствовала, как по ее спине сползает холодная капля пота. В горле встал ком.

— Что вам нужно? — выдохнула она, не отводя взгляда.

Громов посмотрел на ее побелевшие пальцы, все еще сжимающие нож, и его глаза потемнели, блеснув опасным, звериным огнем.

— Одевайся. Разговор на улице. У тебя две минуты, Алина. Опоздаешь на секунду — твой брат поедет в изолятор прямо сейчас.

* * *

Двор встретил ее ударом ледяного ветра в грудь.

Воздух был пропитан колючей, водянистой снежной крупой, которая мгновенно оседала на ресницах и таяла ледяными каплями на пылающих щеках. Алина выскочила из темного подъезда, едва успев натянуть поверх старого свитера тонкий вязаный кардиган и сунуть босые ноги в осенние полусапожки на тонкой подошве. В правом кармане пальцы судорожно сжимали тяжелую связку домашних ключей — холодный, зазубренный металл больно впивался в ладонь, служа единственной точкой опоры в рушащемся мире.

Посреди грязного, разбитого асфальта спального двора, между покосившимися мусорными баками и ржавой детской каруселью, урчал двигатель черного бронированного монстра.

Удлиненный Mercedes-Maybach S680 казался космическим кораблем, случайно приземлившимся на этой забытой богом свалке. Светодиодные фары рассекали ночную тьму двумя мощными лучами белого света, в которых кружились мириады снежинок. Шестилитровый двигатель V12 работал неслышно, выдавая себя лишь низкой, басовой вибрацией, отдававшейся в подошвах через мокрый асфальт.

Даниил Громов стоял у переднего крыла лимузина.

Он был без пальто — в одном темно-сером костюмном жилете и белоснежной сорочке с расстегнутым воротом. Морозный ветер трепал его короткие темные волосы, бросал в лицо мокрый снег, но этот человек стоял абсолютно неподвижно, заложив руки в карманы брюк. Ледяная крупа таяла на белых плечах рубашки.

Алина остановилась в трех шагах от него, обхватив себя руками за плечи. Зубы начинали выбивать мелкую, позорную дробь от пронизывающего холода, но она заставила себя расправить плечи.

— Я слушаю вас, Даниил Андреевич, — ее голос сорвался от ветра, но она тут же вернула ему твердость. — Назовите ваши условия. Я подпишу любое долговое обязательство. Официально, через нотариуса. Буду отдавать всю зарплату, найду вторую работу, третью... Только оставьте Матвея в покое.

Громов молча повернул голову к стоявшему у дверцы лимузина Павлу и сделал едва заметный жест подбородком. Начальник охраны тут же шагнул вперед, держа в руках снятое шерстяное пальто босса.

Громов перехватил тяжелую ткань одной рукой и, сделав шаг к Алине, властным, не терпящим возражений движением опустил пальто ей на плечи.

Алина придержала чужие лацканы у груди. Тело жадно принимало тепло, а взгляд Громова уже скользил по пальто на ее плечах, словно он проверял, впору ли ей его власть.

Тяжелая шерстяная ткань обрушилась на нее, как свинцовая плита. Шелковая подкладка хранила концентрированный, обжигающий жар его тела. Запах Громова — горький сандал, терпкий мускус, запах дорогого табака и чистого, хищного тестостерона — мгновенно заполнил легкие Алины, вытесняя морозный воздух двора. Пальто было огромным: полы доставали ей почти до щиколоток, рукава свисали плетями. Она почувствовала себя запертой в его личной клетке, одурманенной чужой, подавляющей силой.

— Твоя зарплата реставратора в государственном архиве — семьдесят две тысячи рублей в месяц, — раздался над ее головой его ровный, безжалостный голос. — Тебе потребуется

сорок шесть лет непрерывных выплат без учета процентов и инфляции, чтобы покрыть этот долг. У меня нет сорока шести лет, Алина. И твой нищенский труд мне не нужен.

— Тогда зачем вы здесь? — выкрикнула она, отступая на полшага назад, но тяжелые полы пальто сковывали движения. — Зачем этот спектакль? Если хотите посадить Матвея — вызывайте полицию! Чего вы ждете?!

Громов медленно подошел вплотную. Его фигура заслонила свет фар, оставив Алину в глубокой, интимной тени своего тела.

— Мне нужно то, чего нельзя купить за сорок миллионов в открытую, — произнес он, и в его тоне зазвучала холодная деловая сталь. — Через месяц мой холдинг выходит на подписание генерального инвестиционного соглашения с пуританским консорциумом Раевских. Речь идет о сорока миллиардах рублей и застройке всей береговой линии. Старик Раевский — религиозный ханжа старой закалки. Он не ведет дел с неженатыми хищниками, меняющими эскортниц каждую субботу. По условиям его протокола, партнер должен демонстрировать семейную стабильность, благонадежность и безупречный моральный облик.

Алина замерла. Глаза ее расширились. Ужасная, дикая догадка обожгла мозг.

— Ты... ты с ума сошел...

— Ты переезжаешь в мой пентхаус, — продолжил Громов, чеканя каждое слово, словно вбивая гвозди в крышку гроба ее прежней жизни. — Ровно на шесть месяцев. Живешь под моей крышей. Соблюдаешь мой режим. Ты выходишь со мной на все протокольные рауты, держишь меня под руку перед прессой, смотришь мне в рот на приемах и изображаешь мою невесту. Ту самую чистую, скромную девочку-интеллектуалку из приличной профессорской семьи, в которую безумно влюбился циничный строительный магнат.

— Нет! — выдохнула она, мотая головой. Ее затопила волна слепой ярости. — Нет! Ни за что на свете! Я не кукла для твоих сделок! Я не товар! Купи себе шлюху из элитного агентства, надень на нее бриллианты и води на поводке перед своими банкирами!

— Эскортница продается любому, у кого есть пачка купюр, — жестко оборвал Громов. — А у тебя красный диплом реставратора темперной живописи, профессорская семья и такая злая гордость, что ты сейчас готова мне в горло вцепиться. Вот это они увидят. Банкиры чуют фальшивку за километр. А ты — настоящая.

— Я никогда не стану твоей! — крикнула она, задыхаясь от ненависти.

Дрожащими от ярости руками Алина схватилась за лацканы его пальто, сорвала тяжелую ткань со своих плеч и со всей силы швырнула ее вниз.

Пальто из тончайшего кашемира стоимостью в миллион рублей с глухим плеском шлепнулось прямо в черную, раскисшую жижу разбитой дворовой колеи, под колеса лимузина.

У стоявшего в пяти метрах Павла перехватило дыхание. Охранник дернулся вперед, но замер, словно налетев на невидимую стену.

Громов посмотрел на свое пальто в колее, потом на Алину. Его глаза сузились, превратившись в два лезвия из раскаленной стали. На челюсти вздулись тугие, каменные желваки. Медленно, с убийственным спокойствием он сделал один широкий шаг вперед, наступив начищенным оксфордом прямо на растоптанный в грязи кашемир.

Алина попыталась отшатнуться, но было поздно.

Его рука метнулась вперед, тяжелая, как кованый захват, и сомкнулась на ее талии.

Пальцы впились сквозь шерсть свитера в ее ребра с сокрушительной силой, вышибая весь воздух из легких. Одним рывком Громов притянул ее к себе, впечатав спиной в раскаленный металл капота «Майбаха».

Из решеток радиатора вырывался жар работающего двигателя, согревая ее поясницу, но спереди ее прижимала к машине ледяная, гранитная масса его тела. Громов навис над ней, уперев вторую руку в крыло автомобиля у самого ее бедра. Она оказалась в железном капкане между его руками и горячим капотом.

— Ты забываешься, птичка, — прошептал он ей прямо в лицо.

Его дыхание обожгло ее губы — горькое, перечное, бешеное. Алина видела каждую пору на его коже, темную щетину, застывший в зрачках темный, первобытный огонь самца, привыкшего ломать хребты любому сопротивлению.

— У тебя нет права голоса. Твое право голоса сгорело в тот момент, когда твой сопливый брат поставил фальшивую печать на вексель. Ты будешь спать под моей крышей. Ты будешь носить мои платья. Ты будешь дышать только тогда, когда я разрешу тебе сделать вдох. Или твой Матвей отправится в ад уже этой ночью. Выбирай, Алина. Гордость или жизнь твоего брата?

Внутри Алины что-то оборвалось. Рассудок помутился от запаха его кожи, от чудовищного унижения, от близости его губ, нависавших над ней. Слепая, бешеная ярость загнанного в угол зверька вырвалась наружу.

Ее правая рука, все это время сжимавшая в кармане ключи, вылетела вперед.

Она ударила наотмашь, сжав пальцы в кулак так, чтобы длинное стальное жало ключа от сувальдного замка торчало между костяшками.

Острый металлический зубец с глухим, влажным звуком вспорол кожу на левой скуле Громова.

Лезвие ключа прочертило глубокую рваную борозду от скуловой кости почти до самого виска. Из раны мгновенно хлынула густая, темно-алая кровь, крупными каплями срываясь на белый воротник его рубашки.

Павел за спиной выхватил табельный «Глок»:

— Даниил Андреевич!

— НАЗАД! — рывкнул Громов.

Его рык заглушил вой ветра. Одновременно он с чудовищной силой обрушил свободный кулак на капот автомобиля. Металл отозвался гулким, пушечным ударом, по корпусу прошла дрожь. Охранник застыл на месте, опустив оружие.

Кровь стекала к уголку его рта. Алина почувствовала, как он еще теснее прижал ее к капоту.

Его железная ладонь перехватила тонкое запястье Алины. Пальцы сжались, безжалостно пережимая лучевой нерв. Острая, пронизывающая боль обожгла руку до самого плечевого сустава. Пальцы девушки судорожно разжались, и окровавленный ключ со звоном упал в лужу у их ног.

Громов медленно, не сводя с нее горящего, дикого взгляда, поднял левую руку.

Кончиками двух пальцев он провел по своей рассеченной скуле, собирая горячую, сочащуюся кровь. А затем, не дав Алине опомниться, с силой провел окровавленным большим пальцем по ее нижней губе.

Вкус чужой горячей крови осел на ее языке — соленый, медный, обжигающий.

— Дикая, — прошептал он, и его зрачки расширились почти на всю радужку. Он произнес это почти с наслаждением, глядя на кровь у нее на губах. Алину обдало ужасом: ее удар разжег его. — Ты пометила меня. Хорошо. Теперь ты сполна ответишь за каждый миллилитр этой крови.

Он разжал пальцы на ее талии, резко оттолкнув ее от капота. Алина покачнулась, едва удержавшись на ногах на скользком асфальте.

— У тебя ровно пять минут, — Громов повернулся к ней спиной, смахивая кровь тыльной стороной ладони. — Паспорт, диплом, пара тряпок. Если через триста секунд ты не выйдешь из этого подъезда — расписка уходит в прокуратуру, а Матвея выносят вперед ногами. Время пошло.

Глава 3

Ступени подъезда пролетели мимо Алины в мутном тумане.

Она влетела в квартиру, где все еще стоял тяжелый дух недавнего погрома. Матвей сидел на полу в прихожей, привалившись спиной к ободранному обоям. Здоровой рукой он прижимал к распухшим, сломанным пальцам мокрое вафельное полотенце, уже пропитавшееся бурными пятнами. Его лицо было бледным до синевы.

— Аля... — прошептал он пересохшими губами, увидев ее. Он дернулся, заметив красную полосу на ее лице: — У тебя... у тебя кровь на губах... Он тебя тронул?! Я убью его... я сам пойду...

— Заткнись, Матвей, — перебила она его жестким, звенящим шепотом.

Она швырнула на тумбочку автомобильную аптечку, схваченную с полки: бинты, ампулы с обезболивающим, хлоргексидин.

— Сиди тихо. Дверь захлопнешь на нижний засов и подопреешь шваброй. Если ты еще раз в своей жизни прикоснешься к покеру, к костям или к чужим печатям — я лично сломаю тебе вторую руку. Ты понял меня?

Матвей заплакал — тихо, позорно, размазывая сопли и кровь по щекам:

— Куда ты уезжаешь, Аля? Что он с тобой сделает?..

— Я спасаю твою шкуру, идиот. Молчи и лечи пальцы. Утром вызовешь скорую, скажешь — упал с лестницы.

Она метнулась в свою крошечную комнату. Движения были быстрыми, выверенными, механическими — адреналин выжег слезы, оставив лишь холодную ярость. Старый брезентовый рюкзак полетел на диван. Внутри отправились: паспорт, диплом реставратора в твердой синей корке, рабочий блокнот с записями по старинным рецептам левкаса, кожаный пенал с колонковыми кистями, папка с эскизами, сменное белье и простая черная шерстяная водо-

лазка. Уже у двери она вернулась к тумбочке за маленькой серебряной иконкой матери и сунула ее в рюкзак поверх белья.

Ровно через четыре минуты и двадцать секунд она застегнула молнию рюкзака.

Выйдя в прихожую, она на секунду замерла перед братом. Наклонилась, коснулась губами его горячего лба:

— Не открывай никому. Я позвоню, как только смогу.

Она вышла за порог и не оглянулась, слыша за спиной глухой щелчок засова.

Во дворе ледяной ливень уже превратился в сплошную стену серой воды. Павел, начальник охраны, стоял под дождем, вытянувшись в струну, и держал открытой тяжелую заднюю дверь «Майбаха».

Алина перешагнула через порог автомобиля и опустилась на широкое кожаное сиденье. Дверь за ее спиной захлопнулась с глухим, тяжелым, вакуумным звуком бронированного сейфа.

Все звуки внешнего мира умерли мгновенно.

Шум ветра, дробь ледяных струй по асфальту, гудки далеких машин — всё исчезло. Внутри салона царила мертвая, противоестественная тишина.

Воздух здесь был теплым, сухим, кондиционированным, пахнувшим дорогой темно-бордовой кожей Нарра, полированным деревом и антисептиком. Скрытая светодиодная лента под карнизами заливала пространство холодным, приглушенным лазурным светом.

На противоположном сиденье, закинув ногу на ногу, сидел Даниил Громов.

Он уже переоделся — во встроенном гардеробном отсеке лимузина нашлась свежая белоснежная сорочка из тончайшего египетского хлопка. Ворот был расстегнут на две пуговицы, открывая мощную шею и темные завитки волос на груди, рукава были закатаны до предплечий, обнажая вздутые вены и плотные мышцы.

К левой скуле он прижимал белоснежный батистовый платок. На ткани уже расплылось яркое, темно-вишневое пятно.

Лимузин плавно, словно океанский лайнер, качнулся и бесшумно тронулся с места.

Алина вжалась в самый дальний угол кожаного дивана, подтянув колени и прижимая к груди потрепанный рюкзак, словно щит. Она смотрела в тонированное стекло, за которым с бешеной скоростью проносились размазанные огни ночного шоссе.

— Ты можешь купить весь этот город, Громов, — глухо, чеканя каждое слово, произнесла она, не глядя на него. — Ты можешь запереть меня в золотой клетке, заставить носить твои платья и стоять рядом с тобой. Но ты никогда не получишь меня настоящей. Ты получишь только куклу, которая ненавидит тебя каждой клеткой своего тела.

В салоне раздался тихий звук: Громов опустил платок.

Рана на его скуле была глубокой — рваные края подсохли, подчеркивая хищную, пугающую скульптурность его лица. Темная запекшаяся полоса превращала его из холеного миллиардера в опасного, матерого зверя со шрамом.

— Мне не нужна твоя душа, Алина, — произнес он, и в его низком баритоне послышалась ленивая, насмешливая уверенность. — Искренность — товар для нищих неудачников. Мне нужно твое безупречное присутствие. Твоя порода. Твой диплом. Твой взгляд, когда я положу руку тебе на бедро перед объективами светских хроникеров.

Он нажал сенсорную кнопку на консоли между сиденьями. Бесшумно выехал мини-бар из полированного палисандра. Громов достал тяжелый граненый графин с ледяной водой и два массивных стакана из горного хрусталя.

Он наполнил один из них до половины. Прозрачная жидкость закружилась, отражая холодный синий свет салона.

— Пей, — он протянул стакан через разделяющее их пространство. — У тебя губы синие от холода. Мне не нужна обморочная невеста в пентхаусе.

Алина хотела гордо отказаться, оттолкнуть стакан, но горло драло так, будто она наглоталась битого стекла. Адреналиновый спазм сковал гортань, язык прилип к нёбу. Она помедлила секунду, затем медленно протянула дрожащую руку и взялась за холодный хрусталь.

Она рассчитывала, что он разожмет пальцы.

Но Громов не отпустил стакан.

Его широкая, горячая ладонь скользнула вверх, накрывая ее пальцы.

Удар был почти физическим. Словно оголенный провод под напряжением в двести двадцать вольт коснулся ее кожи. Его ладонь была невероятно горячей — сухой, шершавой, мозолистой на костяшках, пульсирующей звериным жаром. Контраст между ее ледяной кожей и его пылающим теплом был настолько резким, что Алина вскрикнула.

Она резко дернула руку на себя.

Стакан накренился. Ледяная вода выплеснулась, окатив ее свитер и темную ткань брюк Громова на бедре. Хрусталь со звоном ударился о деревянную панель консоли.

Вода темнела на его брюках. Громов медленно опустил пустую руку, глядя, как мокрая ткань ее свитера облепила ключицу, делая ткань полупрозрачной.

Его губы растянулись в медленной, хищной улыбке:

— Нервы сдают, птичка? Привыкай. Теперь это твой воздух. И эти руки будут касаться тебя каждый день.

— Только попробуй тронуть меня, — прошептала она, и слезы бессильной ярости обожгли ее веки. — Только посмей...

— Я возьму тебя тогда, когда ты сама придешь в мою постель, — спокойно, без тени сомнения ответил он. — На коленях. Умоляя меня сделать тебя своей. А до тех пор — учись держать спину ровно.

Лимузин плавно пошел под уклон.

За окном мелькнули бетонные своды, массивные колонны и яркие неоновые огни указателей: «Башня Олимп. Приватный сектор. Въезд только по спецпропускам».

Машина въехала в подземный туннель. Позади них с тяжелым гидравлическим лязгом опустилась массивная стальная решетка весом в несколько тонн. Металлические зубья вошли в пазы пола, наглухо отрезая внешний мир, свободу и всё, что связывало Алину с прежней жизнью.

Лимузин остановился на минус третьем уровне. Двое охранников в черных костюмах уже стояли у дверей, почтительно склонив головы.

Павел распахнул дверь.

Громов вышел первым, расправив широкие плечи, словно хозяин, вернувшийся в свое логово. Он повернулся и молча протянул раскрытую ладонь, ожидая Алину.

Она проигнорировала его жест. Сжав лямку рюкзака побелевшими пальцами, Алина выбралась из машины сама, стараясь не упасть на подкосившихся ногах.

Прямо перед ними зеркальным блеском сияли двустворчатые хромированные двери скоростного приватного лифта, ведущего на самую вершину башни.

* * *

Лифт взлетел на 54-й этаж за двадцать две секунды.

Скорость была такой, что у Алины заложило уши, а желудок подкатил к горлу. Хромированные створки кассетного лифта разошлись абсолютно бесшумно, и перед ней открылось пространство, от масштаба которого кружилась голова.

Это был пентхаус, занимавший весь верхний уровень исполинского небоскреба.

Потолок уходил вверх метров на пять. Пол из цельных плит черного матового керамогранита с едва заметным внутренним подогревом, от которого исходило сухое тепло. Гостевая зона тянулась от лифта до стеклянной стены; среди этого простора темная мебель казалась

крошечной. Огромный камин из колотого черного сланца, в котором трещали сухие березовые поленья, бросая пляшущие оранжевые блики на серые стены из полированного бетона.

Но главным было стекло.

Вся внешняя стена пентхауса представляла собой сплошное панорамное остекление от пола до потолка. За ним, на глубине двухсот метров, лежала ночная Москва. Бескрайнее, мерцающее море холодных огней, нити автострад с крошечными каплями фар, уходящие за горизонт тучи, подсвеченные снизу заревом мегаполиса.

Казалось, этот дом парил в открытом космосе, холодный, стерильный и абсолютно неприступный.

Громов переступил порог, небрежно стянул с себя пиджак и бросил его на широкую гранитную консоль у входа.

— Павел, кофе в кабинет. И свяжись с клиникой на Новой Риге. Пусть выделяют отдельную палату и бригаду травматологов для пацана.

— Будет сделано, Даниил Андреевич, — донесся глухой голос начальника охраны из холла лифта.

Алина замерла у входа, чувствуя себя чужеродным, грязным пятном в этом стерильном царстве роскоши. Ее старый свитер, потертые джинсы и пыльные сапоги кричали о нищете на фоне итальянского мрамора и дизайнерской кожи.

Но мысль была только об одном.

Ее работа.

Реставрационная мастерская при Государственном историческом архиве. Если она завтра не выйдет на смену в девять утра, если не продолжит консервацию уникального темперного триптиха семнадцатого века — ее работу передадут другому. Прогоул. Ее лишат допуска к фондам, перечеркнут пять лет каторжного труда, ночей над книгами и химическими реактивами.

Пока Громов шел к стеклянному шкафу с напитками спиной к ней, Алина лихорадочно сунула руку в карман кардигана.

Пальцы нащупали старый потертый смартфон с паутиной трещин на защитном стекле. Она быстро сдвинула шторку блокировки, прикрывая экран телом.

Ей нужно было написать Петру Сергеевичу, заведующему сектором. Всего одно сообщение. Предупредить. Попросить экстренный отпуск за свой счет по семейным обстоятельствам.

Пальцы судорожно застучали по клавиатуре: «Петр Сергеевич, простите ради бога, у меня тяжелая ситуация с братом, я не смогу выйти неделю, пожалуйста, не передавайте триптих Кузнецову, я всё сделаю сама, только не увольня...»

Она занесла палец над синей кнопкой отправки в мессенджере.

И в этот момент значок мобильной сети в углу экрана моргнул.

Четыре белые полосы 4G стремительно исчезли. Вместо них загорелась тусклая, мертвая надпись: «Нет сети. Только экстренные вызовы».

Алина замерла. Сердце пропустило удар. Палец в панике нажал на отправку — рядом с текстом сообщения возник серый вращающийся кружок, безнадежно пытающийся пробить цифровую стену.

— Что за... — вырвалось у нее.

Она подняла глаза. В дверном проеме холла, в трех метрах от нее, стоял Павел. В его опущенной правой руке лежал тяжелый матовый кейс размером с дипломат. На панели прибора тускло горел красный светодиод.

подавитель радиочастот армейского образца.

— Сеть не ловит на такой высоте, Алина? — раздался за спиной тихий, насмешливый голос.

Глава 4

Алина резко обернулась, инстинктивно пряча телефон за спину и прижимаясь лопатками к холодной гранитной колонне.

Громов стоял в двух шагах. В руке он держал тяжелый хрустальный рокс, на дне которого мерцали янтарные капли выдержанного шотландского скотча и таял кубик льда. Его взгляд был направлен точно на ее руки, спрятанные за поясницей.

— Отдай телефон, — негромко произнес он.

— Нет! — выкрикнула Алина, и ее голос дрогнул от подступающих слез отчаяния. — Нет! Это моя вещь! Там контакты преподавателей, архивные описи, связь с директором! Я должна предупредить начальство, иначе меня уволят! Вы не имеете права лишать меня связи с миром!

Громов сделал один шаг в сторону и с сухим, резким стуком опустил стакан на каменную столешницу. Звук удара толстого стекла о гранит прозвучал в тишине пентхауса, как щелчок взведенного курка.

Затем он шагнул к ней.

Алина попыталась метнуться вправо, к выходу на террасу, но он перекрыл ей траекторию одним плавным, хищным движением. Его тело нависло над ней, прижав ее к колонне. Сильные руки уперлись в камень по обе стороны от ее головы, запирая в капкан.

— Ты не поняла, птичка, — прошептал он, и его глаза, серые и глубокие, как океанская впадина, обожгли ее холодом. — Твоя прежняя жизнь закончилась пятнадцать минут назад на капоте моей машины. Петр Сергеевич получит другого работника. Твои картины отдадут другому реставратору. А ты останешься здесь.

— Пусти... — задохнулась она, упираясь ладонью в его твердую, как бронежилет, грудь под тонкой рубашкой.

Громов проигнорировал ее сопротивление. Его правая рука опустилась, нашла ее запястье за спиной и одним властным, неотвратимым движением вытянула руку Алины вперед.

Она до побелевших суставов вцепилась ногтями в пластиковый корпус старого смартфона. Ее пальцы дрожали от напряжения, но она держала его так, словно это была ее последняя связь с человечеством.

Громов накрыл ее маленькую кисть своей широкой, тяжелой ладонью.

Его пальцы начали медленно, безжалостно разгибать ее фаланги.

Сила в его руке была чудовищной. Алина закусила губу до крови, пытаясь удержать хватку, но сопротивляться этой монолитной мощи было физически невозможно — словно пытаться остановить руками падающую бетонную балку. Палец за пальцем, он разжал ее ладонь.

Смартфон выскользнул и упал в его руку.

Громов поднял аппарат к глазам. На разбитом экране все еще крутился серый значок неотправленного сообщения.

Он подцепил ногтем большого пальца пластиковый лоток на боковой грани смартфона. Лоток выскочил с тонким треском. Громов вытащил крошечную золотистую сим-карту, положил ее на подушечку пальца и с коротким, сухим щелчком переломил пластик пополам.

Обломки чипа полетели на пол. Сам телефон он небрежным движением швырнул в хромированную урну для бумаг у камина. Глухой металлический стук прозвучал как погребальный колокол.

— Ты чудовище... — прошептала Алина, сползая спиной по колонне. Слезы жгли глаза, но она не позволила им пролиться. — Ты просто дикий зверь в костюме.

Громов полез во внутренний карман брюк и вытащил плоский матовый брусок из темного титанового сплава. Тяжелый, холодный, без единого логотипа на корпусе. Он шагнул к ней и опустил аппарат прямо в карман ее растянутого кардигана.

Тяжесть металла неприятно оттянула ткань.

— В этом терминале защиты три номера, — произнес Громов, заглядывая ей в самое нутро. — Мой личный. Павла. И начальника охраны башни. Любой исходящий сигнал на внешние номера заблокирован на уровне корпоративного сервера холдинга. Никому писать не нужно. Руководитель архива еще в одиннадцать часов вечера получил официальное письмо с твоей верифицированной цифровой подписью о предоставлении отпуска без содержания на шесть месяцев по уходу за больным родственником. Все заявления подписаны. В архиве считают, что ты ухаживаешь за братом. Матвей знает, что ты у меня. Можешь ждать звонков сколько угодно, Алина.

Земля окончательно ушла у нее из-под ног.

Он просчитал всё. До того, как войти в ее подъезд. До того, как прижать ее к капоту. Он расставил капканы за несколько часов до того, как захлопнуть ловушку.

Алина подняла на него глаза, полные жгучей, бессильной ненависти.

Громов медленно протянул руку. Его длинные пальцы легли на ее подбородок. Хватка была жесткой — подушечка большого пальца легла точно на ямочку, заставляя ее поднять лицо еще выше. Его пальцы были обжигающе горячими, а на скуле все еще темнела свежая корка запекшейся крови от ее ключа.

— Завтра в девять утра сюда приедет портниха и стилист, — негромко сказал он. Его большой палец медленно, с пугающей чувственностью очертил контур ее нижней губы, стирая остатки крови. — Твое тряпье сожгут. Ты наденешь шелк и выучишь наизусть каждую деталь нашей личной жизни за последний год. А сейчас — спать.

Он отпустил ее лицо и указал рукой на дальний конец коридора, где чернела массивная дубовая дверь с электронным замком.

— Твоя спальня там. Замок снаружи запирается автоматически. Завтра начинается твой персональный ад, Алина. Постарайся не сломаться в первый же день.

Громов развернулся и широкими, неслышными шагами ушел в полумрак восточного крыла пентхауса.

Тяжелая дверь его личного кабинета захлопнулась с глухим стуком, отрезая его присутствие.

Алина осталась одна.

Посреди мертвого, стерильного безмолвия 54-го этажа, над черной бездной ночного города, где бушевал ледяной ливень. Она сжала в кармане холодный титановый брусок и медленно побрела к своей комнате, зная, что прежней Алины Ветровой больше не существует.

* * *

Тяжелый рассвет медленно вползал в панорамные окна, разрезая полумрак огромной спальни. Алина прислушалась, пытаясь по привычке определить время по шуму улицы. С высоты пятьдесят четвертого этажа город был немым. У самого потолка монотонно шелестела климатическая система, вдувавшая в комнату стерильный воздух с легким ароматом сухого кедра и озона.

Алина открыла глаза и несколько минут лежала совершенно неподвижно, уставившись в пятиметровый потолок с матовыми спотами точечных светильников.

Ее тело ломило. Каждая мышца ныла тупой болью после вчерашнего кошмара: сырой подъезд с облупленной краской, хрип Матвея, вдавленного лицом в линолеум, вонь перегара ростовщиков Седого, блеск кухонного ножа в ее затекшей руке... И затем — неспешные, тяжелые шаги на лестничной площадке. Запах дорогой мокрой шерсти, табака и ледяного превосходства, от которого перехватывало дыхание. Даниил Громов. Человек, который одним коротким жестом пальцев сломал хребет уличной банде, забрал сорокамиллионный вексель и на мокром капоте бронированного лимузина вывернул ее жизнь наизнанку.

Алина медленно повернула голову.

Она лежала на циклопической кровати среди простыней из дымчато-серого египетского хлопка. Все здесь кричало о бешеных деньгах — о той породе роскоши, которую она чувствовала кожей: простыня скользила под пальцами, безупречно ровный шов подушки почти терялся на ткани. На прикроватной консоли из матового стекла лежал тонкий брусок титанового смартфона без опознавательных знаков — с тремя вшитыми номерами в памяти. Ее собственный старый телефон Громов вчера швырнул в металлическую урну, а сим-карту переломил ногтем большого пальца с той же небрежностью, с какой смахивают пепел с лацкана.

А рядом на полу сиротливо приткнулся ее старый брезентовый рюкзак цвета хаки с выцветшей нашивкой реставрационной мастерской имени Грабаря. Единственный осколок прежнего мира, который она успела схватить в прихожей перед тем, как захлопнулась дверь «Майбаха».

В тишине раздался мягкий электронный зуммер.

Замок на массивной звукоизолированной двери тихо щелкнул, отпуская ригель. Дверь плавно скользнула внутрь, и в спальню вошли двое.

Впереди шествовала высокая женщина лет сорока пяти с идеально гладким каре цвета платины, в строгом графитовом костюме и на острых шпильках, цокавших по темному дубовому паркету, как часовой механизм. За ней молоденькая девушка в белых перчатках аккуратно толкала перед собой два хромированных рейла на резиновых колесиках.

На вешалках плотными шелестящими рядами висела одежда: кашемировые джемперы сливочных и жемчужных оттенков, юбки из тончайшей шерсти, шелковые блузы с глухими воротниками, строгие платья-футляры. Сбоку, на бархатном лотке, лежали стопки тончайшего шелкового белья пудровых тонов, капроновые чулки и ряды коробок с дорогой обувью.

Алина мгновенно подобралась, натянув одеяло до подбородка. Взгляд ее васильковых глаз вспыхнул колючей настороженностью загнанного зверька.

— Доброе утро, Алина Сергеевна, — произнесла женщина безупречно вышколенным тоном. — Меня зовут Инга. Я ведущий стилист студии персонального гардероба. Даниил Андреевич распорядился сформировать вашу базовую капсулу до полудня. Нам необходимо снять мерки и провести примерку дневного комплекта.

Инга сделала шаг к кровати, на ходу доставая гибкую сантиметровую ленту.

Алина резко отбросила одеяло и поднялась на ноги.

Под свитером, в котором она приехала, была растянутая серая футболка брата. На ночь Алина оставила только ее. Босые ступни коснулись прохладного дубового пола. Алина подошла к стулу, рывком натянула вылинявшие синие джинсы, застегнула медную пуговицу и надела старый свитер грубой вязки с закатанными рукавами.

— Уберите это отсюда, — ее голос прозвучал глухо, но в нем звенела стальная нота.

Инга остановилась с растянутой между пальцами сантиметровой лентой. Ее вежливая улыбка пережила окрик Алины:

— Боюсь, вы не вполне понимаете ситуацию, дорогая. Весь этот гардероб отбирался персонально по параметрам, переданным службой Даниила Андреевича. Шелк Logo Piana, кашемир Brunello Cucinelli. Сдержанная роскошь, соответствующая статусу спутницы господина Громова. Снимите свитер, пожалуйста. Мне нужно зафиксировать обхват груди и длину плеча.

— Я сказала: пошли вон, — Алина сделала шаг вперед, загораживая собой комнату. Ее пальцы сжались в кулаки. — Я не кукла для переодевания и не шлюха, которой суют шелка в обмен на молчание. Передайте вашему господину, что я наемный работник по принуждению. Мой долг — сорок миллионов, и я отработаю его в своей одежде. Убирайтесь вместе со своими вешалками!

Девушка-ассистентка испуганно втянула голову в плечи. Инга медленно опустила руки с лентой, окинула Алину ледяным взглядом и достала тонкий телефон:

— Препятствие на объекте. Клиентка отказывается от примерки.

Прошло меньше минуты.

Тяжелые, размеренные шаги в коридоре заставили воздух в комнате сгуститься. Этот ритм шагов Алина узнала бы теперь из тысячи: неторопливая, уверенная поступь хищника, не знающего преград на своей территории.

В дверном проеме выросла фигура Громова.

Глава 5

Он заполнил собой все пространство. На нем были простые черные брюки безупречного кроя и белая рубашка из плотного хлопка с расстегнутым воротом и закатанными по локоть рукавами, обнажавшими мощные предплечья с рельефными венами. На левой скуле мужчины, от виска до середины щеки, темнел ровный телесный хирургический пластырь.

Под этим пластырем горел вчерашний порез — след от длинного квартирного ключа, которым Алина исполосовала его лицо на мокром капоте.

Серые, штормовые глаза Громова медленно скользнули по застывшей стилистке, по лотку с бельем и остановились на Алине. Взгляд был тяжелым, свинцовым, просвечивающим насквозь.

— Выйдите, — негромко бросил он, не поворачивая головы.

Инга коротко кивнула помощнице, и через три секунды обе женщины бесшумно выскользнули в коридор, прикрыв за собой тяжелую створку.

В спальне повисла удушающая тишина.

Громов не спеша подошел ближе. От него пахло морозным воздухом открытой террасы, горьким эспрессо и терпким древесным одеколоном с нотами черного перца и кожи. Этот запах мгновенно заполнил легкие Алины, вытесняя кедровый дух кондиционера.

— Ты тратишь мое время, птичка, — произнес он низким, густым баритоном. Голос вибрировал в грудной клетке, отдаваясь в теле Алины мелким дрожанием. — Через десять минут у меня селектор с Лондоном. А я вынужден подниматься сюда и слушать капризы вздорной девчонки.

— Я не девчонка! — выплюнула Алина, вздергивая подбородок и заставляя себя смотреть прямо в его жесткие зрачки. — И не твоя вещь, Громов! Ты купил вексель Матвея, но не купил право решать, что надевать на мое тело! Оформи мои обязанности официальным трудовым договором. Пропиши пункт за пунктом: реставрация твоих коллекций, инвентаризация архива, что угодно! Но прекрати этот цирк с платьями!

Громов слушал ее с убийственным спокойствием. Он дослушал ее до слова «платьями», потом его взгляд переместился за ее плечо, к тумбочке.

Алина ждала ответа про договор. Он смотрел на ее рюкзак.

Вместо этого Громов сделал два шага в сторону тумбочки и подцепил двумя пальцами лямку ее старого брезентового рюкзака.

Сердце Алины оборвалось и ухнуло в пустоту.

— Положи на место, — севшим голосом сказала она, делая шаг к нему. — Не смей его трогать.

Громов молча повернулся к выходу из спальни, неся рюкзак так, словно это был мешок с отходами.

— Громов, стой! — закричала она, срываясь с места.

Босые ступни обожгло холодом дубового паркета в коридоре. Алина выскочила за ним в широкий холл, отделанный серым полированным сланцем. Громов остановился возле металлической панели в стене. Прикосновением ладони к сенсору он активировал технический створчатый шлюз — мусоропровод глубокой утилизации, встроенный в несущую колонну башни. Стальная створка с мягким шипением ушла в стену, открывая черную пасть шахты, уходящей на двести метров вниз.

— Там мои эскизы! — в отчаянии выкрикнула Алина, хватая его за запястье обеими руками. — Слышишь ты, скотина?! Там планшеты с дипломной работой! Пять лет реставрационной кафедр! Мамина серебряная иконка! Не смей! Пожалуйста!

Ее пальцы впились в его руку, пытаясь разжать железную хватку. Но запястье Громова было словно выковано из закаленной стали. Он даже не шелохнулся под ее весом.

Громов повернул к ней голову. Расстояние между их лицами сократилось до десяти сантиметров. Его близость лишала взгляд глубины: белая полоска пластыря над играющим желваком заслонила всю комнату, а запах кофе и древесного одеколона стал слишком густым, чтобы вдохнуть полной грудью.

— Твое вчерашнее дерьмо закончилось, Алина, — негромко произнес он, глядя ей прямо в зрачки. — Закончилось в ту секунду, когда твой сопливый брат подписал фальшивку с моей печатью. Твоя нищета, твои старые тряпки, твои дипломы и твои слезы — все это больше не имеет веса. Здесь действуют только мои правила. Ты выглядишь так, как нужно мне. Ты носишь то, что приказано мной. А твое прошлое отправляется туда, где ему самое место.

Его пальцы разжались.

Рюкзак качнулся и рухнул в темноту шахты. Из глубины трубы донесся протяжный свист рассекаемого воздуха, а через три секунды — глухой хлопок пневмозатвора на минус четвертом этаже.

Все было кончено.

Внутри Алины что-то лопнуло с сухим треском. Годы бессонных ночей над старинными фолиантами, кропотливая расчистка темперных слоев тончайшим скальпелем, память о матери, единственный клочок ее собственной чистой жизни — все это чудовище только что растерло в пыль одним движением пальцев.

Слепая, бешеная ярость затопила ее сознание.

— Тварь! — выдохнула она, теряя контроль.

Алина рванулась вперед всем телом, вцепляясь обеими руками в ворот его белой рубашки. Хлопок с треском натянулся под ее пальцами, верхняя пуговица отлетела и покати-лась по сланцевым плитам пола. Она колотила кулаками в его широкую, твердую, как броня, грудь, вкладывая в удары всю свою беспомощность, всю ненависть и отчаяние:

— Ненавижу! Какая же ты бессердечная мразь! Чтоб ты сдох, Громов! Слышишь?! Чтоб ты сдох на своих миллиардах!

Громов принял град ударов с каменной невозмутимостью, словно скала принимает брызги прибоя. Но когда ее кулак едва не задел рану на его скуле, его реакция была молниеносной.

Тяжелые, обжигающе горячие ладони метнулись вперед, железным кольцом перехватывая оба ее запястья. Короткое выверенное движение — и он заломил ее руки за спину, притянув Алину вплотную к себе.

Она с размаху врезалась грудью в его монолитный торс.

Воздух с хрипом выбило из легких. Ее бедра оказались вжаты в его бедра, ее запрокинутое лицо — в считанных миллиметрах от его губ. Алина замерла, парализованная этой дикой близостью. Сквозь разорванный ворот его рубашки она видела раскаленную кожу. Его грудь толкалась в ее грудь при каждом тяжелом вдохе; рук за спиной не удавалось сдвинуть ни на сантиметр.

Его сердце колотилось с яростной силой загнанного зверя.

— Выговорились? — прохрипел Громов.

Его дыхание обжигало ее пересохшие губы. В серых глазах бушевала настоящая буря. Он заметил ее слабый рывок, и хватка тут же изменилась: он перехватил ее запястья выше и прижал к пояснице. Следующий рывок лишь сильнее притиснул ее к его груди.

— Пусти... — едва слышно прошептала она, пытаясь вывернуть затекшие руки. Но от его прикосновений по ее предплечьям разливался парализующий жар, от которого подкашивались колени.

— Бумагу и краски тебе привезут сегодня вечером, — каждое слово он вбивал в ее сознание, как раскаленный гвоздь. — Лучшие кисти из соболя и холсты из Италии. Нарисуешь свои фрески заново. Но если ты еще раз посмеешь устроить бунт перед прислугой... если откажешься надеть то, что выбрано для этого дома — охрана срежет с тебя эти джинсы прямо в коридоре. Собственными руками. Ты поняла меня, Алина?

Она молчала, прерывисто хватая ртом воздух. Ее грудь тяжело вздымалась, терлась о его рубашку, и Алина с ужасом почувствовала, как под ее собственными ребрами сердце пускается в такой же безумный ритм.

— Я спросил: ты поняла меня? — пальцы на ее запястьях сжались чуть сильнее, причиняя почти сладостную, отрезвляющую боль.

— Да, — выдавила она сквозь зубы.

Громов медленно разжал пальцы. Между их лицами оставалось расстояние в один вдох. Его взгляд скользнул по ее лицу, зацепился за дрожащую нижнюю губу, опустился к тонкой девичьей шее, где отчаянно билась синяя жилка, и вернулся к ее глазам.

— Десять минут, — бросил он, отступая на шаг и поправляя воротник. — Серое платье. И выходи на кухню. Если остынет завтрак — будешь давиться холодным.

Он развернулся и зашагал по коридору к своему крылу, оставив ее одну посреди ледяного холла.

Алина медленно опустилась на колени прямо на холодный камень. Ее руки мелко, непрерывно дрожали. На бледной коже запястий багровели четкие отпечатки пяти пальцев Даниила Громова.

* * *

Кашемир оказался обманчиво мягким.

Когда Алина натянула темно-серое платье через голову, ткань скользнула по ее коже с ласковой, невесомой нежностью. Платье сидело безупречно, словно сшитое лучшим миланским портным по индивидуальным меркам: глухой вырез-лодочка целомудренно закрывал ключицы, узкие рукава доходили до самых запястий, пряча следы громовских пальцев, а юбка закрывала колени, оставляя на виду тонкую талию и округлую линию бедер. Но для Алины этот кашемир ощущался колючей кольчугой. Чужая вещь. Чужая жизнь. Цена безопасности ее брата.

Алина нагнулась над раковиной и плеснула в лицо ледяной водой из смесителя в ванной, отделанной черным мрамором с золотыми прожилками, и скрутила влажные темно-русые волосы на затылке в тугий узел, заколов его простой деревянной шпилькой, чудом уцелевшей в кармане джинсов.

Ровно через десять минут она толкнула стеклянные двери и вошла в кухню-гостиную.

Пространство поражало размахом. Сквозь гигантские стеклянные плоскости небо подступало прямо к каменному полу. Солнце уже поднялось над горизонтом, заливая холодным золотым светом латунь, светлый ясень и полированный гранит. Вдоль окон тянулась терраса с ограждением из прозрачного триплекса, за которым на сотни метров вниз расстилалась Москва — крошечные коробки высоток, серебряная лента реки, игрушечные цепочки автомобилей.

Посередине кухни доминировал исполинский остров из цельного монолита черного лабрадорита с синими и серебристыми искрами в глубине породы.

За островом на высоком кожаном стуле сидел Громов.

Он успел сменить рубашку: теперь на нем был безупречный угольно-черный бадлон из тонкой мериносовой шерсти, подчеркивавший мощный размах плеч и широкую грудь. Перед ним дымилась миниатюрная белая чашка с двойным ристретто и лежал тонкий углепластиковый планшет, по экрану которого бежали биржевые графики и валютные котировки.

Возле плиты бесшумно колдовал повар в белоснежном кителе. Стоило Алине переступить порог, повар выставил на гранит две широкие тарелки из матового фарфора: воздушный паровой омлет с нежными лепестками зеленого лука, веточки черри на гриле, половинка авокадо с оливковым маслом и ломтики хрустящего багета.

Аромат свежей выпечки и кофе заставил сведенный от голода желудок Алины болезненно сжаться. Она не ела со вчерашнего дня.

Повар поклонился Громову, бросил на Алину сочувственный взгляд из-под бровей и растворился за служебной дверью.

Они снова остались вдвоем.

Алина прошла через зал, стараясь ступать твердо. Босые ноги утопали в густом шелковом ковре. Она обошла остров кругом и села на самый дальний стул — на противоположном конце пятиметровой гранитной плиты, разделявшей их, как нейтральная полоса.

Тарелка с омлетом стояла перед ней. Алина смотрела на Громова, кончиками пальцев отодвигая прибор от себя на середину стола.

Громов перелистнул вкладку на планшете. Затем еще одну. Серебро прибора осталось лежать между ними.

— Ешь, — не отрываясь от чтения, бросил он. Он произнес это тем же тоном, каким вчера велел вызвать врачей для Матвея. Алина спрятала дрожащие пальцы под стол.

— Я не голодна, — холодно отозвалась Алина.

— Ты весишь сорок восемь килограммов, Алина Сергеевна. Я изучил твою медицинскую карту еще ночью. Гемоглобин на нижней границе нормы, давление девяносто на шестьдесят. Если завтра вечером на закрытом рауте ты потеряешь сознание под прицелом репортеров светской хроники — мне придется поднимать тебя с ковра. А я не люблю выглядеть нелепо из-за чужой инфантильности. Возьми вилку.

Алина сжала салфетку под столом так, что ногти врезались в ладони:

— Какое тебе дело до моего гемоглобина? Ты запер меня здесь, выбросил мои вещи в мусорку, отобрал связь. Чего ты ждешь? Что я скажу спасибо за омлет и буду раболепно заглядывать тебе в рот? Где мой брат, Громов? Ты обещал, что ростовщики его не тронут. Где Матвей?

Громов наконец оторвал взгляд от экрана.

Его серые глаза посмотрели на нее прямо. Холодные, непроницаемые, лишенные малейшего намека на человеческую мягкость. На скуле пульсировал пластырь.

— Твой брат жив. И пока еще цел.

Глава 6

Вместо долгих объяснений Громов положил планшет на полированный гранит и одним точным щелчком пальца отправил его скользить по камню. Устройство замерло ровно перед сложенными руками Алины.

— Смотри, — скомандовал он.

Алина опустила взгляд на экран.

Картинка была кристальной — прямая трансляция в высоком разрешении. Светлая палата загородного медицинского центра премиум-класса. Бежевые панели, многофункциональная кровать с электроприводом, бесшумно мерцающие мониторы жизненных показателей, капельница.

На кровати спал Матвей.

Его лицо было бледным, но ссадина на лбу была аккуратно зашита тонкими косметическими швами. Правая рука парня — та самая, на которую бандит Седого наступал берцем, — лежала на мягком валике, надежно зафиксированная белым полимерным лангетом от кончиков пальцев до середины предплечья. За матовым окном палаты угадывался силуэт охранника холдинга.

Горячая волна облегчения, смешанная с горькими слезами, обожгла глаза Алины. Жив. Чистый, в безопасности, под присмотром врачей.

— Частный медицинский комплекс в Одинцовском районе, — негромко произнес Громов. Голос звучал сухо, как приговор. — Лучшее отделение микрохирургии кисти в стране. В десять утра начнется операция: профессора будут сшивать разорванные связки на его пальцах, чтобы парень через год мог держать ложку и не остался калек. Сутки его пребывания там стоят восемьдесят пять тысяч рублей. Без учета медикаментов и работы хирургической бригады.

Алина оторвала взгляд от экрана:

— Зачем ты тратишь такие деньги? Сорок миллионов долга... Теперь еще и клиника. Ты мог просто сдать его в полицию.

Громов сделал неторопливый глоток ристретто и поставил чашку на блюдце с едва слышным звоном:

— В полиции твоего брата сломали бы в первый же вечер. В изоляторе у Седого свои люди. Матвей подписал вексель на бланке моего инвестиционного фонда. Этой печатью замахнулись на мой холдинг. Попытка рейдерского подкопа под мою репутацию перед закрытием крупнейшей финансовой сделки года. Твой брат будет жив, пока мне выгодно его спасать. А ты сделаешь так, чтобы это оставалось выгодно.

Он подался вперед, положив локти на край острова.

— Запомни расклад, птичка. Очень простое уравнение. Пока ты находишься в этом пентхаусе, носишь то, что тебе дают, выполняешь мои распоряжения и играешь роль моей послушной невесты на публике — твоего брата лечат лучшие врачи Европы. Его долг заморожен. Мои люди держат ростовщиков за воротами, а материалы по мошенничеству лежат у меня.

Громов сделал паузу, и его зрачки опасно сузились:

— Но если ты устроишь бунт... если посмеешь сбежать, объявишь голодовку или выкинешь фокус на завтрашнем приеме — охрана клиники снимет посты ровно через минуту. Санитары выкатят каталку с твоим недолеченным братом прямо на улицу, за шлагбаум. А там его уже ждут следователь с наручниками и парковщики Седого, жаждущие вернуть свои проценты. Выбирай.

Воздух в легких Алины словно превратился в толченое стекло.

Он просчитал каждый шаг с аптекарской точностью. Он держал ее брата на коротком поводке, а ее саму посадил на золотую цепь.

— Ты чудовище, — прошептала она, глядя ему прямо в глаза. — Бездушная, расчетливая скотина.

Громов чуть заметно усмехнулся одними уголками губ:

— Я в курсе, Алина Сергеевна. Можешь повторять это себе каждое утро перед зеркалом. А теперь — возьми вилку и съешь свой завтрак.

Алина опустила дрожащую руку на черенок серебряной вилки. Пальцы свело судорогой. Она ненавидела эту еду, этот гранитный остров, этот стеклянный аквариум на высоте птичьего полета. Но на экране планшета ровно дышал Матвей — единственный родной человек, оставшийся у нее после гибели родителей.

Она подцепила кусок теплого омлета. Поднесла ко рту.

Громов смотрел на нее в упор, наблюдая, как напрягаются мышцы на ее тонкой шее, когда она с усилием проталкивает кусок в пересохшее горло.

Она проглотила. Затем взяла ломтик черри, отправила в рот и медленно разжевала, глядя на него с незамутненной ненавистью:

— Доволен?

— Вполне, — Громов легко поднялся на ноги.

Он взял пиджак со стула, набросил его на плечо и убрал планшет во внутренний карман:

— В десять у меня правление холдинга, затем встреча в министерстве. До вечера ты предоставлена сама себе. Можешь читать книги в библиотеке, заказывать повару любую еду. Одно правило: лифтовой холл и пожарные выходы заблокированы. За попытку взлома или контакт с внешним миром — штраф вычитается из здоровья твоего брата. Павел дежурит внизу.

Он развернулся и пошел к выходу. У самых дверей Громов на секунду притормозил:

— И постарайся поспать днем, птичка. Завтра вечером тебе понадобятся силы. На приеме у Раевских слабых сжирают живьем.

Двери лифта в холле сомкнулись с глухим звуком сейфа.

Алина осталась одна. Она выронила вилку, которая со звоном ударилась о край тарелки, уронила голову на скрещенные руки и зажмурилась, сдерживая обжигающие слезы.

* * *

Часы в гостиной, встроенные в панель из темного ореха, неслышно отсчитывали секунды. Было без двадцати два.

Пентхаус напоминал роскошный мавзолей. Тишина давила на барабанные перепонки. Повар ушел около полудня. Теперь Алина слышала собственные шаги через всю гостиную и на каждом повороте поднимала глаза к потолку, ища темный кружок камеры.

Она медленно шла по широкому коридору восточного крыла в мягких кожаных слипонах, которые нашла в гардеробной. Она методично исследовала пространство, как реставратор, исследующий заброшенный храм в поисках скрытых трещин.

Результаты были безнадежными.

Лифтовой холл представлял собой глухой бункер: створки приватного лифта не имели кнопок вызова — только темный глазок сканера сетчатки глаза и цифровую панель. Массивная стальная дверь на пожарную лестницу была намертво притянута электромагнитным замком промышленного класса с аварийным алым индикатором. Панорамные окна были выполнены из монолитного триплекса толщиной в четыре сантиметра — их нельзя было даже приоткрыть, вентиляцию полностью контролировала автоматика.

И повсюду были камеры.

Алина обладала редкой зрительной памятью архивиста: ее взгляд мгновенно вычленил скрытые детали. В углах гостиной, над кухонным островом, в прихожей, на террасе — везде под потолочными балками прятались крошечные полусферы из темного дымчатого стекла. Без слепых зон. Вся ее жизнь на этих четырехстах квадратных метрах просматривалась, как на ладони.

Единственным местом, где камер на первый взгляд не было видно, оставался кабинет Громова.

Тяжелая двустворчатая дверь из мореного дуба в самом конце коридора была приоткрыта на пару сантиметров: уезжая утром в спешке, хозяин не захлопнул магнитный доводчик до конца.

Алина замерла перед щелью, затаив дыхание. Сердце глухо застучало в ребра.

Сидеть покорной овцой и ждать, пока хищник нацепит на нее поводок для выхода в свет, она больше не могла. Ей нужны были факты. Ей нужно было понять, во что на самом деле вляпался Матвей и какую игру ведет человек, держащий ее в заложниках.

Она толкнула дверь кончиками пальцев. Створка бесшумно подалась вперед.

Кабинет дышал тяжелой мужской силой. Здесь царил полумрак: плотные шторы из графитового льна приглушали яркий дневной свет. Вдоль стен высились открытые стеллажи с чертежами небоскребов в кожаных тубусах, редкими фолиантами по архитектуре и рядами юридических справочников. В воздухе стоял плотный аромат дорогого кубинского табака, кожи и того самого громовского одеколona, от которого у Алины начинала кружиться голова.

В центре комнаты возвышался циклопический стол из цельного куска мореного дуба.

На столе царил идеальный порядок: блокнот в черном кожаном переплете, перьевая ручка из титана, хрустальная пепельница с огарком сигары и выключенный монитор моноблока с матовой поверхностью.

Алина обошла стол и встала перед креслом с высокой спинкой. Пальцы сами потянулись к клавише питания на торце монитора.

Экран ожил с тихим гулом. Вспыхнул логотип холдинга — две перекрещенные стальные балки и лаконичная надпись «ГРОМОВ ГРУПП». Но уже через секунду операционная система выдала окно авторизации: темное поле пароля и синий контур сканера отпечатка пальца.

Алина коснулась сенсора подушечкой пальца.

Тотчас из скрытых динамиков стола раздался короткий, сухой, мерзкий зуммер ошибки. Экран вспыхнул багровым: «Доступ заблокирован. Несанкционированная биометрия. Координаты терминала переданы в службу безопасности».

Алина отшатнулась от монитора, прижав руку к груди. Кровь зашумела в ушах.

Ее взгляд соскользнул с пустой столешницы в открытую нишу выдвижной тумбы. Там лежали три папки. Две верхние были чертежами жилого квартала. Но нижняя привлекла ее внимание мгновенно: толстая картонная папка песочного цвета с завязками из сурового шпагата и красным штампом: «КОНФИДЕНЦИАЛЬНО. ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ СБ. ЭКЗЕМПЛЯР № 1».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.